

Советская модернность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев)

Любовь Б. Четырова, Наталия М. Сергеева

Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, Российская Федерация

В статье анализируется в визуальной перспективе ранний советский опыт модерности, пережитый ойрат-калмыками и тувинцами в 1930-е гг. Такая перспектива позволяет рассмотреть свидетельства реализации советского проекта создания «нового человека», установить знаки модерности в визуальных репрезентациях представителей данных народов. В статье применяется деколониальный подход, согласно которому модернность понимается как эпистемическая рамка, неразрывно связанная в данном случае с советским колониальным проектом.

Источниковой базой исследования стали фотодокументы 1930-х гг., которые хранятся в Национальном архиве Республики Тыва (г. Кызыл, Россия), Национальном архиве Республики Калмыкия и Национальном музее Республики Калмыкия имени Н. Н. Пальмова (г. Элиста, Россия).

Анализ фотографий ойрат-калмыков и тувинцев 1930-х гг. позволил выявить визуальный канон фотодокументалистики данного периода, а именно канон репрезентации и самопрезентации «нового человека»: отсутствие женственности в униформе женщин, строгость, собранность и дисциплинированность в одежде и позах, стойка «смирно», белая парадная рубашка, стремление «не выделяться», быть как все, слиться с коллективом. В результате анализа были выделены знаки модерности/колониальности, присутствующие как в репрезентации телесности, так и в среде обитания ойрат-калмыков и тувинцев. Установлено общее и особенное в фотодокументации ойрат-калмыков и тувинцев и, соответственно, в визуальных знаках модерности/колониальности. К общему относится одежда и головные уборы европейского образца, короткие стрижки у женщин, использование советской символики в виде флагов, знамен, газет, демонстрирующих стремление к просвещённости, единение с коллективом, преимущественно строгая геометрия расположения группы в пространстве. Несмотря на однотипность визуальной репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев как участников проекта создания «нового человека», в их визуальных образах есть частные различия. Они определяются особенностями формирования советской модерности у этих народов: предшествующим опытом столкновения с модерностью, степенью сохранности традиционной культуры, а также культурными кодами, нормирующими телесные

практики.

Ключевые слова: модернность; колониальность; визуальный образ; визуальная социология; визуальная антропология; деколониальный подход; фотография; ойрат-калмыки; тувинцы; Тувинская Народная Республика; Калмыкия; советский период

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767: <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>

Для цитирования:

Четырова Л. Б., Сергеева Н. М. Советская модернность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 239-262. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

Четырова Любовь Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское ш., д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-54. Эл. адрес: chetyrova@gmail.com

Сергеева Наталия Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское ш., д. 34. Тел.: +7 (846) 337-99-88. Эл. адрес: bo-na-mi@yandex.ru

Soviet modernity in visual perspective: the cases of Kalmyks and Tuvans

Lyubov B. Chetyrova, Nataliya M. Sergeeva

Samara University, Russian Federation

The article examines from a visual perspective the early Soviet experience of modernity, as experienced by the Oirat-Kalmyks and Tuvans in the 1930s. This perspective allows us to consider the evidence of the Soviet project of creating a «new man» and establish the signs of modernity in the visual representations of these peoples. The article relies on the decolonial approach, which sees modernity as an epistemic framework, which in this case is inextricably linked with the Soviet colonial project.

The source base for the study is the photographic documents of the 1930s, preserved at the National Archives of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia), the National Archives of the Republic of Kalmykia and the N. N. Palmov National Museum of the Republic of Kalmykia (both in Elista, Russia).

The analysis of the 1930s photographs of the Oirat-Kalmyks and Tuvans revealed the visual canon for the photodocumentaries of the period, namely, the canon of representation and self-presentation of the «new man». Among other things, some issues were typical: a lack of femininity in the women's uniform, austerity, orderliness and discipline in both clothing and poses, standing at attention, white dress shirt, and the desire «not to stand out», look like everyone else, and merge into the group. In the course of study, further signs of modernity/coloniality were identified in the representation of corporeality, as well as in the life environment of the Oirat-Kalmyks and Tuvans. It was important also to focus on the common and the irregular in how the life of Oirat-Kalmyks and Tuvans was photodocumented and, so in the visual signs of modernity/coloniality established in such a way. The common features include European-style clothing and headdresses, short haircuts for women, the use of Soviet symbols (flags, banners, or newspapers) to indicate the will for enlightenment, unity with the collective, and predominantly strict geometry of the group arrangement in space. Although the Oirat-Kalmyks and Tuvans as participants in the project of creating a «new man» were represented in the same way, there is a good deal of irregularity and difference in their visual images, determined by specific trajectories the Soviet modernity took to reach these people. Including their previous experience of modernity, how well these people preserved their traditional culture, and the cultural codes that worked in them to normalize body practices.

Keywords: modernity; coloniality; visual image; visual sociology; visual anthropology; decolonial approach; photography; Oirat-Kalmyks; Tuvans; Kalmykia; Tuvan People's Republic; Soviet period

The research was carried out by financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 22-28-01767, <https://rscf.ru/project/22-28-01767/>

For citation:

Chetyrova L. B. and Sergeeva N. M. Sovetskaia modernost' v vizual'noi perspektive (na primere oirat-kalmykov i tuvintsev) [Soviet modernity in visual perspective: the cases of Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 2, pp. 239-262. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.17>

CHETYROVA, Lyubov Borisovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-54. E-mail: chetyrova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5064-8735

SERGEeva, Nataliya Mikhailovna, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociological and Marketing Research Methodology, Samara University. Postal address: 34 Moskovskoye shosse, 443086 Samara, Russian Federation. Tel.: +7 (846) 337-99-88. E-mail: bo-na-mi@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3569-5397

Введение

В рейтингах экономического и социального развития российских регионов национальные автономии, как правило, занимают последние позиции¹. Одна из причин их отставания, на наш взгляд, кроется в том, как был реализован проект советской модерности в этнических регионах.

Цель статьи — рассмотреть в визуальной перспективе результаты советского проекта создания «нового человека» из представителей таких этносов, как ойрат-калмыки и тувинцы. Это позволяет показать плоды антропологической революции, осуществившейся в ходе реализации проекта советской модерности на территориях с азиатской культурой. Выбор указанных этносов, один из которых монголоязычный, второй — тюркоязычный, объясняется тем, что они принадлежали к кочевой скотоводческой культуре, были и остаются носителями буддийской религии.

Методологическим и методическим основанием анализа знаков модерности, проявленных в архивных фотодокументах, выступают принципы визуальной антропологии и визуальной социологии. В традициях первой мы рассматриваем конкретные способы существования человека, совокупности ритуалов и повседневных практик, сформированные изучаемым сообществом людей (Усманова, 2007), т. е. всё то, что представлено визуально и несет на себе отпечаток социальной жизни. Кроме того, выражаясь словами Е. В. Александрова, визуальная антропология позволяет нам получить визуальную информацию о малоизвестных сторонах жизни общества с целью осуществления диалога культур (Александров, 1997). В то же время сквозь оптику визуальной социологии мы фокусируемся на визуальных проявлениях форм взаимодействия и взаимоотношения людей на снимках, а именно, представителях новой революционной власти и представителях национальных меньшинств². Иначе говоря, визуальная антропология и визуальная социология взаимодополняют друг друга в решении поставленных нами исследовательских задач, и исключение принципов одной из них сделало бы анализ неполным.

Отмеченные методологические основания позволяют представить фотографии в роли условной рамки явлений, связанных с процессами модерности/колониальности. Фотокамера, фиксируя внешние материальные признаки, направляется волей и рукой фотографа, который часто выполняет задачи, сформулированные заказчиком. При этом заказчик фотографии указывает, как следует осуществлять репрезентацию этих внешних материальных признаков, чтобы создать вполне определенный визуальный образ, предлагаемый публике. Направленность взгляда, ракурс съёмки — это всегда формирование отношения к объекту фотографирования. Так, с помощью фотокамеры можно упразднить различия или, наоборот, подчеркнуть общее, указать на доминирование культуры или, напротив, ее принижение, особенно в случае с субалтернами.

Нужно заметить, что методы визуальной аналитики этнографических и исторических данных лишь недавно стали применяться к анализу богатейшего визуального наследия, оставленного учеными, изучавшими этнические окраины российской империи. Одна из таких работ представлена учеными антропологами, которые осуществили визуальную репрезентацию Сахалина и Камчатки в конце XIX — начале XX века (Головнева, Головнев, 2021).

Для анализа взяты фотодокументы 30-х годов XX века, хранящиеся в Национальном архиве Республики Тыва (НА РТ), Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК), Национальном музее Республики Калмыкия имени Н. Н. Пальмова (НМ РК).

Фотографии анализируются нами на уровне контента и контекста с применением основных способов интерпретации, прежде всего семиотического, структурного и иконографического подходов. При этом мы выявляем роли агентов фотографического процесса, а также вычленим визуальный канон фотодокументалистики данного периода. Важным вспомогательным материалом при анализе являются подписи. Подписи, являясь языковым сообщением в классификации сообщений согласно

¹ Автор теории «четырёх России» Н. Зубаревич к четвертой России относит такие слаборазвитые регионы, как Тыва, Алтай, Хакасия. Здесь урбанизация начата позднее, не завершена демографический переход, повышена рождаемость, сохранилась патриархально-клановая структура общества, велика роль религии. См.: Зубаревич Н. Четыре России и новая политическая реальность. 2016 [Электронный ресурс] // Полит.Ру. 2016, 17 января. URL: https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (дата обращения: 11.02.2022).

² Антропология и социология [Электронный ресурс] // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 12–168. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2012_16 (дата обращения: 20.03.2022).

Р. Барту, направляют и закрепляют иконическое сообщение (Барт, 1989: 303–306). Однако лишь немногие из анализируемых снимков имеют подписи, сделанные самим фотографом, поэтому они не являются в данном случае предметом интерпретации. Что же касается формальных архивных подписей, то они позволяют прояснить контекст и время фотосъёмки. В результате проделанного анализа будет выявлено общее и особенное в фотодокументировании ойрат-калмыков и тувинцев и, соответственно, знаках модерности в визуальных образах субалтернов¹.

Опыт советской модерности

Прежде чем перейти к анализу визуальных образов ойрат-калмыков и тувинцев, необходимо остановиться на том, как понимается нами модерность.

В статье, открывшей дискуссию в журнале «Новое литературное обозрение» в 2016 г. № 4 по вопросу о существовании/несуществовании советской модерности, М. Дэвис-Фокс даёт определение модерности как совокупности амбициозных планов и дискурсов, нацеленных на формирование и даже перекраивание культуры, общества и человека (Дэвис-Фокс, 2016: Электр. ресурс). Он выделяет четыре основных точки зрения на российско-советскую модерность на основании дискуссий последних лет: 1) отсутствие модерности; 2) признание универсальности модерности и, соответственно, отнесение советского и российского государства к современным государствам; 3) наличие множественности парадигм модерности, среди которых советская модель была альтернативной; 4) модель «переплетенной модерности», согласно которой советское государство было задействовано в разных парадигмах модерности, причем по-разному. Две первые модели он считает упрощенными. Дэвис-Фокс полагает, что применить теорию модерности к анализу советского опыта следует, развивая две последние концепции — множественную (альтернативную) и «переплетенные модерности»: «Транснациональное, международное и глобальное измерения модерности можно изучать, одновременно признавая, что советский коммунизм представлял собой упорядоченное, по сути, явление, которое понималось и создавалось как путь развития, призванный помочь стране обогнать современный Запад, бороться с ним и “похоронить” его», — пишет он (там же)².

На наш взгляд, предлагаемое им применение и развитие этих двух концепций — множественной (альтернативной) и «переплетенной модерности» к анализу советского опыта — плодотворно.

Идею множественности модерности выдвинул в начале 2000-х годов социолог Ш. Н. Эйзенштадт, предложивший учитывать наряду с другими не-западными модерностями. Благодаря этому стала возможной «де-вестернизация» дискурса о модерности и лишение Запада монополии на нее (Eisenstadt, 2000: 24). В этой перспективе советский опыт модерности получал право на существование и рассмотрение как не-западного опыта. Концепция же переплетенных модерностей возникла в рамках постколониального подхода как осознание того, что переход к модерности имперской метрополии желательно рассматривать в единстве с их колониями (Дэвис-Фокс, 2016: Электр. ресурс).

Полагаем, что рассмотрение модерности в имперском контексте открывает возможность исследовать формирование модерности в единстве метрополии и колонии, что позволяет понять становление советской модерности. В этом случае модерность оказывается связанной с колониальностью.

Впервые о взаимосвязи и взаимообусловленности колониальности и модерности заговорил перуанский социолог А. Кихано, обратив внимание на то, что ликвидация колоний и распад колониальных политических институтов вовсе не ведет к освобождению от колониальности власти. Последняя, по его мнению, основана на «расовой» социальной классификации населения мира под властью евроцентричного мира и пронизывает основные инстанции евроцентристской капиталистической власти, становясь ее краеугольным камнем (Quijano, 2007: 171). Фокусируя свое внимание на связи между колониализмом и нарративом модерности, Кихано обосновывает тезис о том, что, с одной стороны, колониальность имеет решающее значение для конституирования ев-

¹ Субалтерн (от англ. *subaltern* 'подчиненный') — термин, обозначающий социальные группы, лишённые политического голоса, широко используемый в пост- и деколониальных исследованиях для номинации невидимости и угнетённости подчинённых групп.

² По мнению американского историка А. Голубева, несмотря на то что часть историков фактически отрицают существование советской модерности, большая часть склонилась к признанию этого исторического феномена (Голубев, 2021: 234).

ропейской парадигмы модерности/рациональности (там же: 172). С другой стороны, эта парадигма способствует воспроизведению колониальности мировой власти. На этом основании он делает вывод о необходимости эпистемологической деколонизации, как деколониальности, необходимой для того, чтобы расчистить путь для новой межкультурной коммуникации, для обмена опытом и смыслами, как основы другой рациональности, которая может законно претендовать на некоторую универсальность (там же: 177). Модерность, следовательно, рассматривается как эпистемологическая рамка, неразрывно связанная с европейским колониальным проектом. Иначе говоря, Кихано здесь предлагает такой познавательный инструмент, который можно использовать при изучении модерности, в том числе советской.

Анализируя идеи Кихано, американский профессор латиноамериканского происхождения В. Миньоло и его соавтор К. Уолш сводят их в формулу «нет модерности без колониальности», и предлагают в качестве методологии изучения глобального мира сегодня использовать деколониальный подход (Mignolo, Walsh, 2018: 4). Они определяют модерность и колониальность как два столпа западной цивилизации. При этом цивилизация сама опирается на сложную и разнообразную структуру знания, назначение которой состоит в создании колониальной матрицы власти (там же: 141–145). С их точки зрения, колониальность не тождественна колонизации и означает, прежде всего, колониальность власти. Колониальность показывает следующее: то, что запечатлено в колониальных культурах, является следствием имперскости власти. А имперскость власти в современном/колониальном мире выражена не пушками и армиями, а словами, которые оправдывают использование оружия и армий, убеждая, что это делается для блага, спасения и счастья человечества. При этом они подчеркивают, что колониальность вписана в тела и чувства людей (там же: 140). И надо полагать, не только «колонизаторов», но и «колонируемых».

Под деколониальностью В. Миньоло и К. Уолш понимают эпистемическую реконструкцию постоянно меняющейся цивилизационной риторики спасения, начиная с христианской и вплоть до сегодняшней неолиберальной риторики. Цель такой реконструкции состоит в том, чтобы раскрыть логику колониальности, скрывающей несправедливость, неравенство, расизм, сексизм (там же: 6). Следовательно, понимание логики колониальности требует выявления колониальных и имперских различий.

Данный подход был применен Миньоло вместе с отечественным исследователем М. Тлостановой к рассмотрению советского опыта с целью выяснить разницу между имперскими/колониальными конфигурациями, выявленными в рамках христианства, светского либерализма и марксизма, и подобными конфигурациями в России, а позднее в Советском Союзе (Tlostanova, Mignolo, 2012: 2). По их мнению, после революции 1917 г. произошел раскол проекта Просвещения на две модерности: либеральную и социалистическую (там же: 8). Они рассматривают СССР как самого последнего и самого настойчивого актора, реализовавшего проект советской модерности, но форсированная советская модерность/ колониальность была лишь актом в более крупной игре западной модерности/ колониальности. Предыдущий акт этой игры исполняла российская империя, которая сама была эпистемически и культурно колонизирована Западом и, таким образом, действовала как посредник западной модерности. Нельзя не согласиться с выводом, который они делают, что в результате западной игры модерности/колониальности Центральная Азия заняла специфическое вдвойне подчиненное пространство в сложной глобальной структуре власти (там же: 91–92).

Для нашего исследования полезным является используемое Тлостановой и Миньоло различие первой и второй модерности¹. Первую модерность, истоки которой лежат в Ренессансе (начало XVI в.), они связывают прежде всего с христианизацией колонизируемых народов, приводимых таким способом к цивилизованному состоянию. Сформировавшаяся в тот период риторика спасения заключалась в обращении колонизируемых в христианство². Россия, по словам Тлостановой и Миньоло, имела свой собственный вариант колониальности, отличавшийся тем, что в проекте колониальности главной была православная концепция Москвы Третьего Рима (там же: 40). По их словам, несмотря на отсутствие

¹ Не следует путать с понятием второй модерности, предложенного У. Бекком, для которого она означает начавшуюся с 60-х годов XX в. рефлексивную фазу модерности (Бек, 2000).

² В. Миньоло подробно описывает этот процесс в книге «Темная сторона Ренессанса: грамотность, территориальность & колониальность» («The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, & Colonization») применительно к Латинской Америке и католическому христианству (Mignolo, 1995).

классической капиталистической модели в тогдашнем российском обществе, начало XVII в. открыло путь первой модерности. В российском случае, в отличие от западного, в период первой модерности колонизируемые рассматривались как возможные военные союзники (как это было в случае с калмыками и Калмыцким ханством) и как равные колонизаторам люди (там же: 50). Вторая модерность связана с промышленной революцией, рождением национального государства и Просвещением. Характерной ее особенностью является расиализация¹ дискурса, в котором утверждаются расовые деления, происходит легитимация расовой дискриминации и расчеловечивание колонизируемых (там же: 5).

В советский период реализации проекта второй модерности произошла коррекция расиализации согласно требованиям марксизма о равенстве нерусских, в результате чего нерусские этнические группы стали рассматриваться как «внутренние другие». Положение «внутренних других» тем не менее содержит в себе скрытые расовые членения, которые раскрылись в постсоветский период (там же: 50).

Рассмотрение советской модерности в деколониальной визуальной оптике позволяет, во-первых, выявить знаки модерности и колониальности, вписанные в тела субалтернов, во-вторых, обнаружить знаки, указывающие на новый социальный порядок, на формы взаимодействия и взаимоотношения представителей советской власти и «колонизируемых».

Колониальность реализуется с использованием цивилизационной риторики спасения, заданной христианством, где спасение «погрязших в невежестве» колонизируемых народов является центральной идеей (Mignolo, Walsh, 2018: 139). В деколониальной перспективе философия и социальная теория Маркса в своем единстве предстают как учение, разрабатывающее риторику спасения. Иначе говоря, отечественный опыт построения социализма может быть рассмотрен как реализация разработанного в марксизме проекта спасения пролетариата и всех угнетенных бывшей российской империи. На родственность главных идей марксизма и христианства — страдания и спасения, мессианства, указывают самые разные исследователи (Кантор, 1990; Gentile, 2006; Rothbard, 1990; Znamenski, 2021). Советская риторика спасения жертв царской «тюрьмы народов» артикулировалась в аффирмативной национальной политике.

Советский проект модерности включал в себя формирование общей структуры колониального знания, колониальности мышления, языка и трансформации образа жизни колонизируемых. Особенности формирования советской модерности объясняются во многом темпоральным фактором, когда за очень короткий период времени традиционная культура была преобразована в культуру советской модерности. В случае с кочевниками — ойрат-калмыками и тувинцами — закладывались основы оседлого образа жизни и административной системы по государственному / колониальному образцу. В этом случае всегда происходит, как пишет Д. Скотт, массивное, последовательное и широкомасштабное искоренение местного многообразия языков, малых народностей, локальных практик хозяйствования, форм земельной собственности, видов охоты, собирательства и лесничества, религиозных верований (Скотт, 2017: 29).

Советский проект модерности невозможно оценить однозначно, так как с одной стороны, он выражался в ликвидации неграмотности, улучшении условий жизни, формировании гигиенических практик, здравоохранения, приобщении к технике, технологиям и многим достижениям европейской культуры, с другой стороны содержал жесткие дисциплинарные практики, репрессивный аппарат, репрессию традиционной культуры. Неоднозначность результатов заложена в самом проекте модерности/колониальности, где колониальность «раскрывает скрытые измерения жизни, порождающие неудовлетворенность и гнев», а модерность приносит многие «хорошие вещи» (Mignolo, Walsh, 2018: 113).

Тем интереснее рассмотреть визуальные признаки модерности и колониальности, выявленные при анализе фотоматериалов, на которых запечатлены представители выбранных нами для анализа этносов.

¹ Расиализация — термин, обозначающий приписывание расового содержания отношениям, социальной практике или группам, которые не идентифицировали себя так. Приписывание расовой идентичности осуществляется доминирующей группой, добиваясь тем самым сохранения доминирования и социальной изоляции подчиненной группы.

Визуальные проявления советской модерности в культуре ойрат-калмыков

Частью проекта советской модерности стала начавшаяся в 1920-х — 1930-х гг. серия мероприятий «Улан гер — Красная кибитка», целью которых было улучшение быта и труда женщин Калмыцкой автономной области. В женотдел при красных кибитках входили политработники, медики, в частности акушерки, учителя, культурные работники, то есть представители новой власти. Следовательно, на фотографиях зафиксированы формы взаимодействия представителей нового социального порядка и «колонизуемых».

Деятельность красных кибиток имела четкую идеологическую цель — «раскрепощение женщины», пропаганда равенства прав мужчин и женщин, разъяснение вреда суеверий и старых обычаев (Бадугинова, 2011: 37). В красных кибитках калмычек обучали гигиеническим практикам — стирке белья с мылом, уходу за грудными детьми в европейской традиции, кройке и шитью, выпечке хлеба, работе с сепаратором и маслобойкой. При кибитках действовали небольшие библиотеки, проекторы для показа просветительских фильмов, выставки передовых предметов быта — современной одежды, утюгов, средств гигиены, столовой посуды. Женщинам Калмыцкой степи рассказывали о вреде камзолов, которые девушки-калмычки, начиная с пубертатного возраста, носили до замужества. Из-за того, что камзол стягивал грудь, советские медики считали, что он способствует развитию болезней легких. Так, в качестве одного из позитивных результатов деятельности красных кибиток велась статистика, сколько девушек сняли камзол (там же: 38).

Фото 1. Молодежный вечер у кибитки. Автор неизвестен, 1930-е годы. (НА РК, фотофонд, № 15).

Photo 1. A youth meetup by the wagon. Unknown author, 1930s (NA RK, photo collection, No. 15).

Видно, что несмотря на динамичный сюжет (танец), композиция на фотографии статичная, отсутствуют диагонали¹. Для большинства участников съёмки угол фронтальный, лобовой, кроме танцующей пары, выступающей в национальных одеждах. Следовательно, зритель одновременно ста-

¹ Динамика композиции достигается диагоналями: предметными (например, линия дороги, уходящая из левого нижнего угла в правый верхний) или ракурсом съёмки. То есть динамичная по сюжету фотография может быть статичной композиционно.

новится частью изображенного сообщества, и остаётся сторонним наблюдателем для выступающих (Kress, Van Leeuwen, 2001: 135–136).

Внешность коротко стриженной девушки-калмычки, выглядывающей из-за плеча танцующего парня, в легкой светлой европейской одежде со свободно свисающим на бедрах ремнем показывает, как модернность воплощена в ее телесности и одежде. Девушка — одна из немногих смотрит в кадр, чем завязывает интеракцию со зрителем, что тоже является нарушением традиции. Открытая улыбка, расслабленная поза, раскованная для своего времени одежда, взгляд прямо в камеру — всё это характеризует девушку-калмычку как уверенную в себе и раскрепощенную. Её приобнимает девушка европейской внешности, в схожей европейской одежде. В публикациях того времени есть свидетельства, что, например, астраханские калмычки вслед за русскими женщинами «культурно и общественно» подтянулись, в отличие от «отсталых» татарок, «религиозность которых переходит всякие границы»¹.

Следующие фотографии (фото 2) снова сделаны в контексте красной кибитки. Справа (фото 2B) показано, как раскрепощенная советская хозяйка красной кибитки (та же девушка, что и на фото 1), над входом которой видна надпись «Улан гер», приглашает женщин внутрь. Ее короткое платье, открывающее ноги и руки, которые, согласно традиции, должны быть укрыты, демонстрирует полный разрыв с калмыцкой традицией ношения одежды молодой девушкой. То же демонстрирует пояс/ремень, свободно висающий и спущенный. Внутреннее оформление кибитки составляют многочисленные агитационные и просветительские плакаты, на фоне которых просветительница обучает калмычек сепарированию молока. На фото слева (фото 2A) она стоит в центре, а с двух сторон от нее калмычки в национальной одежде. Замужние женщины с длинными косами в накосниках стоят с маленькими детьми на руках. Здесь же стоит девушка в традиционной калмыцкой одежде, в платье с длинным рукавом, присобранном внизу, чтобы прикрыть ладони. У нее длинная коса, голова прикрыта богато расшитой шапочкой. Ее фигура, в отличие от просветительницы, являет собой знак отвергаемой традиционности. Калмычки — и «просвещенные», и просвещаемые — здесь выступают в роли суб-альтернов, которых учат и научили говорить на языке советской модерности, но которые сохранили некоторые характеристики, указывающие на негативно окрашенную «традицию» (Tlostanova, Mignolo, 2012: 83).

Фото 2 (коллаж): А) Культштурм. Показ работы сепаратора. Автор неизвестен, 1930-е годы (НМ РК, фотодокументальный фонд, КП № 1333-12); В) У красной кибитки в районе Элисты. Автор неизвестен, 1930-е годы (НМ РК, фотодокументальный фонд, КП № 1333-44).

Photo 2: A) «Culture Attack»: presenting the work of a milk separator. Unknown author, 1930s (NM RK, photo and documentary collection, KP No.1333-12); B) by the Red Wagon near Elista. Unknown author, 1930s (NM RK, photo and documentary collection, KP No.1333-44).

¹ Чонкушов О. Состояние и перспективы партработы в Калмыцко-Базаринской организации // Калмыцкая степь. 1928. № 2 (5). С. 83–84.

Фото 3. Мергенов читает газету калмыкам. Автор неизвестен, 1930-е годы (НА РК, фотофонд, № 586).
 Photo 3. Comrade Mergenov is reading a newspaper to Kalmyks. Unknown author, 1930s
 (NA RK, photo collection, No. 586).

На *фото 3* у красной кибитки сидят калмыки-участники просветительского мероприятия — политинформации. Все женщины в одежде, близкой национальной: воротники, преимущественно белые, длинные рукава. Головы покрыты: у женщин платки или каракулевые шапки-кубанки. Среди мужчин один в национальной одежде. Двое других — в одежде европейского образца. Лишь у одного из них калмыцкий головной убор, остальные — в фуражках. Доминирующее положение занимает пропагандист — судя по записи при фотографии, некто Мергенов, сидящий на табуретке в правом углу фотографии, куда, согласно особенностям чтения изображения слева направо, глаз зрителя всё время стремится (Chatterjee, Southwood, Basilico, 1999). Его положение позволяет нам встретиться с ним лицом к лицу, в то время как положение женщин на фото закрыто для зрителя, взгляд упирается в затылки¹. Пропагандист единственный из мужчин сидит на фоне сидящих на земле женщин, заложив ногу за ногу, что является нарушением традиции. Он находится на возвышении с газетой в руках, которую читает вслух, выражая тем самым образ светоча истины. Публика внимательно смотрит на него и слушает. Такая композиция демонстрирует, как складывался визуальный канон советского времени для репрезентации пропагандистской работы с массами. В завершённом виде этот канон можно выявить на фотографиях в советской популярной периодике (*фото 4*).

Таким образом, в фотографии «Мергенов читает газету» (*фото 3*) четко обозначен советский просветительский посыл. Калмык, судя по одежде и позе, успешно интегрировавшись в структуру модерности/колониальности, просвещает тех, кому еще предстоит процесс «формовки» нового человека. Композиция данного снимка статичная, диагонали отсутствуют. Вертикальный угол (Kress, Van Leeuwen, 2001: 135–136) не выражен, но для большинства участников фотографии присутствует боковой горизонтальный угол, что для зрителя создаёт ощущение некой отстранённости от ситуации, не погружённости в неё, а наблюдения как бы со стороны (что характерно для этнографической съёмки). Последнее подтверждается и отсутствием интеракции со зрителем в виде взглядов в камеру. Такой визуальный канон ставит изображаемого в позицию объекта, который подвергается воздействию, в данном случае пропаганде. Собственно, таковым было положение в строящемся социалистическом обществе всех социальных и этнических групп, из которых путем формовки в советских матрицах образования, пропаганды, обучения навыкам индустриального и передового сельскохозяйственного труда создавались социалистические классы и нации. В рассматриваемом случае — социалистическая нация калмыков.

¹ Лапин А. В. Фотография как... : учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2003. 296 с.

Фото 4:
А) В доме колхозников Ястребовых. Агитатор Валентина Митина (слева) беседует с избирателями. Фото В. Кузьмина, журнал «Огонёк» № 9, 1950 г.;

В) В мартеновском цехе завода «Серп и молот». Сталевар В. К. Михайлов проводит беседу, посвященную Обращению Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) к избирателям. Фото А. Гостева, журнал «Огонёк» № 9, 1950 г.

Photo 4: A) At the Yastrebovs' house. Valentina Mitina, a canvasser (left), talks to voters. Photo by V. Kuzmin, Ogonyok magazine (1950, No.9);
B) at the open hearth shop of the Hammer and Sickle plant: steelworker V. K. Mikhailov gives a public talk on the Communist Party's Central Committee's Address to voters.
Photo by A. Gostev, Ogonyok magazine (1950, No.9)

Следующие визуальные тексты (фото 5 и 6) идейно очень схожи с предыдущей анализируемой фотографией (фото 3), а также снова обыгрывают ситуацию чтения газеты.

В контексте пропаганды, как правило, контрастно выделяется позиция «докладчика-просветителя». Он держит в руках газету (листовку) или папку с бумагами (фото 3 и 4), или указывает на обучающий плакат и всегда находится напротив слушателей (фото 5). Что касается снимка с газетой (фото 6), стоит отметить, что газета выступает в качестве знака, символизирующего просвещение, информированность и, наконец, грамотность. Привлекает к себе внимание и обращение девушек на фото лицом в правую сторону. Такая правосторонняя композиция часто встречается на советских фотографиях.

На всех фотографиях отсутствует интеракция со зрителями — никто не смотрит в камеру, не играет с фотографом. Ситуация для зрителя снова выглядит так, словно он наблюдает за ней со стороны и не включён в происходящее (Kress, Van Leeuwen, 2001). Позиция наблюдения со стороны, характерная для этнографических фото, делает изображаемых объектом, лишая их субъектности и в то же время представляет собой наблюдение за ходом формирования субъекта социалистического строительства.

Фото 5. Калмычки в доме сангигиены.
Автор неизвестен, 1930-е годы.
(НА РК, фотофонд, № 592).

Photo 5. Kalmyk women at the House of Sanitary and Hygiene,
Author unknown, 1930s
(NA RK, photo collection, No. 592).

Фото 6. За чтением газеты.
Автор неизвестен, 1928 г. (НМ РК,
фотодокументальный фонд, КП № 1457-44).
Photo 6 Reading a newspaper. Author
unknown, 1928 (NM RK, photo and
documentary collection, KP No. 1457-44).

Особую роль в визуальном документировании в советские годы играли групповые портреты как выражение советской коллективности — профессиональных групп, делегатов съездов и конференций, представителей органов власти, коллективов художественной самодеятельности.

Композиция таких снимков нередко проста и понятна: все должны уместиться в кадре и при этом не закрыть собой соседа — кто стоя, кто сидя, кто лежа. Так происходит, например, на групповой фотографии курсанток курсов по подготовке женщин председателей советов при Калмоблисполкоме (фото 7 В).

Как правило, чем более официальный контекст съёмки, тем строже позы и лица. Далее представлены типичные групповые фотографии, демонстрирующие представителей нарождающейся советской номенклатуры (фото 7).

Здесь снова обращают на себя внимание форма одежды и причёски, выступающие одними из ярких маркеров модерности у калмыков. На фото (фото 7В) видно, что часть калмычек еще следует требованию традиционной калмыцкой культуры укрывать волосы: головы покрыты либо косынкой, либо шапочкой. Но ни одна калмычка не одета в национальное платье.

Центром композиции снимка и одновременно его смысловым центром выступает фигура легендарного военного и политического деятеля, калмыка по национальности, В. А. Хомутникова¹, возглавлявшего в те годы Калмыцкий облисполком. Будучи в тот период военным в отставке, он одет в военный френч. Председатель Калмоблисполкома сидит со сложенными на груди руками — позе, которая запрещалась нормами телесного поведения у калмыков: считалось, что такая поза может привести к потере близких, значит некого будет обнимать, кроме себя самого (Артаев, Шурунгова, 2019: 83). Сидящие рядом с ним женщины и двое мужчин калмыков копируют позу начальника, презрев тем самым этот строгий запрет. Вторая слева молодая женщина сидит с широко расставленными ногами, что с точки зрения нормативности поз считалось неприличным для женщин.

¹ В период гражданской войны Хомутников участвовал в поимке знаменитого Джа-ламы в Монголии, руководил первой советской секретной экспедицией в Тибет (1921–1922 гг.), был военным советником в Монголии, видным военачальником времен Второй мировой войны, погиб под Будапештом в 1945 г.

Фото 7: А) Делегаты первого съезда женщин. Автор неизвестен. 1924 г. (НА РК, фотофонд, № 373);
В) Курсантки курсов по подготовке женщин предсоветов при Калмоблисполкоме. Автор неизвестен. 1934 г. (НА РК, фотофонд, № 726).

Photo 7: A) Delegates of the 1st Congress of Women. Author unknown, 1924 (NA RK, photo collection, No. 373);
B) Students at the courses training chairwomen for the local Soviets under the aegis of Kalmyk Regional Executive Committee. Author unknown, 1934 (NA RK, photo collection, No. 726).

Как это часто бывает, женщины одеты более разнообразно, чем мужчины, однако среди них прослеживаются своего рода тенденции — белые воротнички типовой формы¹, двубортные пиджаки и трикотажные кардиганы. Вероятно, каждая одета так, как могла себе позволить, но все выглядят одинаково опрятно и дисциплинированно, никто не выделяется, все послушно и сосредоточенно смотрят в кадр, не улыбаются.

На фото делегатов съезда женщин (фото 7А) также ни одна из калмычек не одета в национальное платье, все с непокрытой головой. Одна калмычка стоит в порицаемой традиционными калмыками позе со скрещенными на груди руками.

На всех групповых снимках отсутствуют диагонали, композиция статичная, что характерно для такого рода контекста съёмки. Так, отсутствуют и углы — вертикальный и горизонтальный (Kress, Van Leeuwen, 2001). Очевидно, фотограф слегка приседал, чтобы быть наравне со своими моделями. В целом, фотографии сделаны профессионально, возможно, в фотоателье.

Сложившуюся в предшествующие годы тенденцию отказа от ношения традиционной одежды, отрицания традиционных калмыцких норм телесного поведения представителями номенклатуры и образованной части калмыков демонстрирует сделанное в 1940-м г. фото съезда медицинских работников (фото 8).

На снимке в равной мере присутствуют как калмыки и калмычки, так и представители европейской группы. Отличить одних от других можно только лишь на основании антропометрических черт. В остальном же участники съезда едва ли отличаются друг от друга. Судя по надписи, сделанной на

¹ Поскольку обязательным элементом платья замужней женщины-калмычки было наличие белого воротничка, то популярность белых воротничков в европейской одежде калмычек можно объяснить влиянием редуцированной калмыцкой традиции.

Фото 8. Съезд медицинских работников Калмыцкой АССР. Автор фото не известен, 1940 г. (НА РК, фотофонд, № 391).
 Photo 8 At the Congress of medical workers of Kalmyk ASSR, Author unknown, 1940 (NA RK, photo collection, No. 391).

лицевой стороне снимка, время года — весна, месяц — апрель, поэтому многие в головных уборах. Примечательно, что ни у одной из женщин не видно так характерных прежде для калмычек кос. На всех одежда европейского образца, белоснежные воротнички, галстуки, двубортные пиджаки и пальто, преимущественно фуражки на мужчинах и белые береты на женщинах.

К слову, популярность белого цвета в одежде тоже не может не обратить на себя внимание. В европейской традиции белый цвет воспринимается как символ чистоты, порядочности, аккуратности, образованности, принадлежности к более высокому классу, не только социальному вообще, но и трудовому (Линдси, 2011). У калмыков, как и у других монгольских народов, белый цвет имел сакральный смысл, а значит высокий ценностный статус (Олядыкова, 2007: 97–100; Жуковская, 2002: 200–203). Конечно, полностью белая одежда, особенно для мужчин, была немыслима в условиях кочевого образа жизни калмыков. Тем не менее белый цвет обязательно присутствовал в женской одежде, которая была многослойной. Рубаха и платье, которое одевалось на тело, всегда имели воротник белого цвета.

Таким образом, анализ фото калмыков, сделанных в 1930-е гг. фотографами, имена которых не сохранились в архивных документах, указывает на присутствие здесь знаков модерности. Они свидетельствуют о том, что в это время произошел кардинальный разрыв с традиционным обществом, и калмыки становились «строителями» нового социалистического общества. При этом визуальные каноны того времени определяли контент и структуру фото так, чтобы показать процесс формирования советского субъекта.

Визуальный анализ тувинских фотографий в перспективе советской модерности

Перейдем теперь к анализу тувинских фото 1930-х гг. из Национального архива Республики Тува (г. Кызыл), сделанных Владимиром Петровичем Ермолаевым (1892–1982). Он был не только фотографом, но и первым директором краеведческого музея тувинского народа, созданного в 1929 г. Первые фотографии, посвященные Туве, Ермолаев сделал еще в 1913 г., что позволяет визуально представить быт феодальной Тувы, затем идут фотографии, фиксирующие период революции и гражданской войны, становление Тувинской Народной Республики (ТНР) (Айыжы, Мандан-Хорлу, Монгуш, 2019: 669–670).

По сути, Ермолаев стал первым исследователем, кто широко использовал фотографию как метод сбора информации, оставив потомкам богатейшее визуальное наследие, еще далеко не полностью изученное.

Важно понимать, что будучи самостоятельным государством (1921–1944), ТНР встала на путь некапиталистического развития, ведущего к социализму (*История Тувы, 2007: 211*). В Туве происходили, хотя и не с такой масштабностью, сходные с советскими социальные и культурные процессы — коллективизация, индустриализация, культурная революция, составной частью которой была ликвидация неграмотности и создание советской системы образования (там же: 183–303).

Перейдем к рассмотрению тувинской серии снимков, анализируя которые мы обращались к помощи информантов¹.

На фотографии выше (*фото 9А*) изображены школьники посёлка Сыстыг-Хем (Тоджа) в 1931 г.

Фото 9:

- А) Школьники п. Сыстыг-Хем, Тоджа, 1931 г.
(НА РТ, фотоальбом № 3
В. П. Ермолаева, фото 42);
В) Октябрьские праздники в п. Сыстыг-Хем,
Тоджа, 1931 г. (НА РТ, фотоальбом № 10
В. П. Ермолаева, фото 31).

Photo 9:

- А) School students at the township of Systyg Khem, Toja, 1931 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 42);
В) Celebrating the October Revolution anniversary, township of Systyg Khem, Toja, 1931 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 31).

Ныне это административный центр и единственный населенный пункт Сыстыг-Хемского сумона Тоджинского района. По словам информанта, этот посёлок находится очень далеко от г. Кызыл, ближе к истокам Енисея, не имеет автодорог по сей день, и, помимо кочевых тувинцев, был заселен оседлыми русскими, появившимися там лишь в XIX веке. Тем не менее, по фотографии, не погружаясь в географию района, едва ли можно сказать, что перед нами обособленный и абсолютно самобытный «край земли» тувинской. Уже на снимке 1931 г. можно заметить многочисленные знаки советской модерности — флаги и транспаранты (возможно, канонического красного цвета). Судя по однотипной одежде советского образца — пальто и меховые шапки-ушанки, на фото сняты воспитанники школы-

¹ Информанты — семейная пара младшего пенсионного возраста, длительное время (с 1980-х годов) проживавшая в г. Кызыл и хорошо осведомленная об истории становления Республики Тыва. Общение носило характер фотovyявляющего интервью (*photo-elicitation interview*), в ходе которого фотографии выступали стимулом, вызвали спонтанную интерпретацию и направляли нарратив информантов (*Harper, 2012; Wagner, 2002*).

интерната, в которых обучалось большинство детей аратов, ведущих кочевой образ жизни в 1930-е гг. (Маады, 2021: 147–149). Обращает на себя внимание и положение школьников и их предводителя. Это стройная шеренга, самые младшие в конце, старшие — ближе к воспитателю, который символично указывает вперёд в светлое социалистическое будущее. Воспитатель тоже одет в «европейскую» одежду — пиджак, брюки-галифе, фуражку, высокие сапоги.

На заднем плане, видимо, находится сама школа — добротный сооруженный срубный дом как знак оседлого образа жизни.

Выстроенная шеренга и указательный жест мужчины задают динамику снимку, получается диагональ. Взгляд зрителя устремляется в правую сторону и ищет продолжения истории, думая: «Что же там, дальше?». Как уже отмечалось выше, в анализе калмыцких фотографий, правосторонняя ориентация на будущее очень часто встречается на снимках советского периода.

Практически никто из участников фотосъёмки не смотрит в кадр, поэтому диалога со зрителем не завязывается. Сам боковой вертикальный угол оставляет зрителя в стороне, как внешнего наблюдателя, не погруженного в событие.

Очевидно, фотография постановочная, спланированная, вероятно, по случаю некоего смотра или другого показательного мероприятия. Полученная контекстная информация подтверждает это предположение. Фотосъёмка велась по случаю октябрьских празднований.

Вторая фотография (*фото 9B*) интересна тем, что шеренга этих же школьников находится уже на заднем плане, в то время как на переднем плане, так же диагонально относительно композиции снимка, стоят взрослые тувинцы, которых решительно обходит «воспитатель» с первой фотографии.

Взрослые, в отличие от детей, почти все в национальной одежде. Это длинные, почти до пола *тоны* — стеганные халаты с запахом на правую сторону, двумя застёжками с поясами *кур*.

Вообще, коллективные фотографии с чётко вымеренной геометрией толпы очень характерны для Советского Союза, особенно первой половины и особенно для массовых торжеств (*фото 10*). Это можно расценивать как верный знак дисциплинарного общества, каковым и было советское общество. Здесь формировалось подчинение частного общему, масса должна была быть упорядочена. Советское общество было выстроено согласно модели общества как закрытой структуры, сочленённой в иерархическом порядке с функциональными отношениями, что, по словам Кихано, предполагало тотальность рациональности (Quijano, 2007: 173). Несмотря на праздничный контекст, такое жестко регламентированное расположение людей невольно вызывает ассоциации с шеренгами заключённых с надсмотрщиком.

На первом снимке следующего коллажа (*фото 11A*) мы видим большое скопление людей напротив, судя по фасаду и вывеске сверху, административного здания. Согласно подписи к фотографии, это слушатели тувинской партийной школы, 1932 г. Снова над толпой торжествующе возвышаются флаги и транспаранты. Интересно, что на снимке присутствуют как взрослые, так и дети. Из тех, кого удаётся рассмотреть на переднем плане, многие в «европейской» одежде.

Фотограф сделал снимок не фронтально, а с угла по отношению к публике. Это, во-первых, позволило включить в кадр большее количество участников мероприятия, а, во-вторых, как бы диагонально протянуло композицию, добавив ей масштабности. Линейная перспектива уводит глаз зрителя с первых рядов в левом нижнем углу в глубину снимка. Всё это подкрепляет идею о силе Партии, сила которой в количестве её сторонников. Такие же угловые композиции, проводящие диагональ с левого нижнего угла до правого верхнего, и на чуть ранее представленной нами группе снимков (*фотоколлаж 10*). Вновь такая съёмка указывает на масштаб мероприятия.

Мы видим, что все фотографии из текущей подборки сделаны во время государственных торжеств, и эти мероприятия непременно сопровождаются характерной символикой — флагами, флажками, транспарантами, пионерскими галстуками и стандартизированной формой одежды, как на воспитанниках учебного комбината (*фото 10A* и *10B*). Все с «покрытой головой». При этом самый популярный, условно, «пролетарский» головной убор — кепка. На фотографиях в кепках и юноши, и девушки, и взрослые, и дети. Из истории одежды известно, что после 1930-х гг. головные уборы стали нивелирующими в пределах одного социального слоя, но дифференцирующими разные слои населения (Ховалыг, 2018). Примером может послужить В. М. Молотов, который первым стал носить шляпу, а следом — вся советская верхушка. Но на этих фотографиях 1930-х — 1940-х гг. абсолютное большин-

ство людей в кепках. Только у женщин столь же часто встречается другой популярный «крестьянский» головной убор — косынка или платок (фото 11В).

Традиционно тувинцы, как и калмыки большое, во многом символическое и сакральное значение придавали национальным головным уборам как высшему элементу одежды (Ховалыг, 2018). Однако на архивных фотографиях начала советизации тувинцев (приблизительно 1940-е гг., когда Тува вошла в состав СССР) традиционный тувинский головной убор встречается редко.

Одежда, как известно, является важным средством идентификации (в значении процесса обретения идентичности). Ещё со времён Петра Первого, открывшего врата второй модерности для России, необходимые власти изменения в ментальности людей начинались с преобразования внешнего облика. Так и советская модерность проявилась в замене традиционной национальной одежды на унифицирующую и дисциплинирующую одежду строителя светлого будущего.

На следующей фотографии (фото 12А) мы видим демонстрацию тувинцам-кочевникам техники, применяемой для земледелия. Здесь изображена торговля сельскохозяйственными машинами на ярмарке в г. Кызыл в 1934 г. По антропометрическим чертам на снимке четко можно идентифициро-

Фото 10:

- А) Воспитанники учебного комбината, г. Кызыл, 1930-е гг. (НА РТ, фотоальбом №3 В. П. Ермолаева, фото 41);
- В) Воспитанницы учебного комбината, г. Кызыл, 1930-е гг. (НА РТ, фотоальбом №3 В. П. Ермолаева, фото 39),
- С) Велосипедисты на Первомайском параде в г. Кызыле, 1933 г., (НА РТ, фотоальбом №3 В. П. Ермолаева, фото 38);
- Д) Колонна демонстрантов на Октябрьской площади в дни празднования 11 годовщины Октябрьской революции, г. Кызыл. 1927 г. (НА РТ, фотоальбом №10 В. П. Ермолаева, фото 22).

Photo 10:

- A) Students of a vocational training center, Kyzyl, 1930s (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 41);
- B) Female trainees at a vocational training center, Kyzyl, 1930s (NA RT, V.P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 39);
- C) Cyclists at the May 1 parade, Kyzyl, 1933 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 38);
- D) A column of celebrators in Oktyabr'skaya Square, Kyzyl, 1927, anniversary of the October Revolution (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 10, Photo 22).

Фото 11:

А) Слушатели тувинской партийной школы, г. Кызыл, 1932 г. (НА РТ, фотоальбом №3 В. П. Ермолаева, фото 56);
 В) Трибуна на месте празднования, выступление армейцев Тувы по джигитовке и борьбе, г. Кызыл, 1930-е гг. (НА РТ, фотоальбом №11 В. П. Ермолаева, фото 70).

Photo 11:

A) Students of the Tuvan Party School, Kyzyl, 1932 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 3, Photo 56);
 B) A stand at the celebration site, Tuvan army wrestling and trick riding competition (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 11, Photo 70).

вать тувинцев и русских. В одежде они одинаковы, но русского мужчину выделяет более выгодное положение на снимке — его хорошо видно в полный рост, он активно, двумя руками, взаимодействует с машиной (вероятно, сеялкой). У мужчины серьезное выражение лица, за ухом у него карандаш, что придаёт ему более сведущий вид на фоне добродушно улыбающегося тувинского мужчины справа¹. Здесь русский мужчина олицетворяет технический и технологический прогресс, в ходе которого вовлеченные в этот процесс тувинцы вынуждены будут отказаться от кочевого образа жизни, стать просвещенными и, в итоге, подчиненной частью советской модерности.

На *фото 12B* смысловым узлом (центром композиции) снова является мужчина за рулем славянской внешности — вероятно, водитель. Чиновник полпредства — тувинец — сидит либо рядом, либо на заднем сидении, то есть фокус сделан не на нем, а на русском водителе. Вокруг машины собралось

¹ Тем не менее в ходе фотовыявляющего интервью информант, рассматривая данный снимок, сказал: «Вот, сразу видно, разбираются, понимают». И далее добавил, что тувинцы всегда с большим интересом относились к техническим достижениям и инструментам ведения хозяйства русскими. Информант рассуждал о реализации проекта модерности применительно к тувинцам скорее в позитивном ключе.

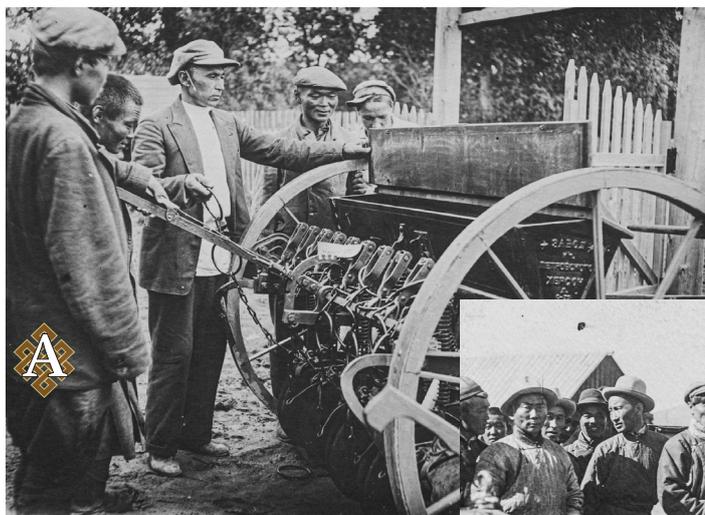

Фото 12:
 А) Торговля сельскохозяйственными машинами на ярмарке в г. Кызыл, 1934 г. (НА РТ, фотоальбом № 7 В. П. Ермолаева, фото 29);
 В) Проводы первого полпреда ТНР в Монголию, г. Кызыл, 1927 г. (НА РТ, фотоальбом № 11 В. П. Ермолаева, фото 103).

Photo 12:
 A) Selling agricultural machinery at a fair, Kyzyl, 1934 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 7, Photo 29);
 B) The first envoy plenipotentiary of the Tuvan People's Republic leaves for Mongolia, Kyzyl, 1927 (NA RT, V. P. Yermolayev's collection, Album 11, Photo 103).

достаточно много людей. В основном это мужчины, кое-кто одет в национальную одежду. На фоне тувинцев, «рождавшихся в седле», дорогой белоснежный металлический «конь», ведомый русским человеком, выглядит как яркий знак модерности. На фото используется канон правосторонней ориентации и автомобиля, и участников фотосъёмки, что позволяет показать движение в «светлое социалистическое будущее».

Таким образом, выявленные на фото знаки модерности в Туве 1930-х гг., свидетельствуют о том, что здесь, также как в советской Калмыкии, начался кардинальный разрыв с традиционным обществом. Причина заключалась в том, что несмотря на различие политического статуса и устройства обеих республик, ТНР была государством, избравшим некапиталистический путь развития, в обоих случаях осуществлялась единая социальная и культурная политика движения к созданию основ социализма.

Сравнительный анализ

Сравнивая фотографическое наследие раннесоветского периода у калмыков и тувинцев, нужно иметь в виду следующее обстоятельство: фототеки Калмыцкого национального архива и Калмыцкого национального музея ограничены и содержат зачастую копии фото вместо оригиналов. Тувинские фототеки аналогичных учреждений богаче и аутентичнее в плане подлинников. Подобная «бедность» калмыцких фотофондов объясняется трагическими событиями, вызванными депортацией калмыков в 1943 г., когда весь калмыцкий народ был выселен в Сибирь и отдаленные районы Севера. В результате республика была уничтожена, фонды калмыцкого музея и архива частично утрачены, частично переданы в другие учреждения. В ситуации, когда само слово «калмык» было запрещено, многие артефакты уничтожались, либо скрывались музейными и архивными работниками под другими именами, что впоследствии приводило к путанице. В итоге сегодня калмыцкие Национальный архив и Национальный музей располагают копиями фотографий, предоставленными другими учреждениями, которые оказались владельцами оригиналов. Понятно, что в такой ситуации представить более или менее полную иконическую панораму раннесоветского периода у калмыков сложнее, чем аналогичную тувинскую. Одно только наследие В. П. Ермолаева в Национальном музее Тувы насчитывает четыре тысячи единиц хранения: фотографии и негативы (плёночные и стеклянные), альбомы с контрольными отпечатками и фотографиями, ко многим из которых фотограф дал собственные комментарии. Не говоря уже о других коллекциях, имеющих и в музее, и в архиве.

При сравнении двух региональных кейсов реализации проекта советской модерности и их визуальной репрезентации, следует учитывать, во-первых, как разворачивалась история модерности в предшествующий период, то есть в имперском контексте. Важное отличие калмыков от тувинцев заключается в том, что они с начала XVII в. имели тесные связи с российскими властями, прошли период первой модерности, а затем с середины XVIII в. вступили в фазу второй модерности, постепенно утрачивая свою субъектность, что выразилось в самоликвидации Калмыцкого ханства¹. Применительно к калмыкам российские имперские власти, используя ресурсы образования, религиозных и политических институтов, последовательно осуществляли реализацию второго проекта модерности. Тува же относительно поздно стала испытывать на себе непосредственное российское имперское влияние, войдя под протекторат России лишь в 1914 г. Иными словами, калмыки имели многовековой опыт модерности, в отличие от тувинцев, что, естественно, облегчило «готовность» калмыков к восприятию советской модерности, знаки которой хорошо видны в визуальной перспективе: в одежде, позах и мимике, прическах, обустройстве быта.

Во-вторых, рассматривая реализацию проекта советской модерности у калмыков и тувинцев, визуальную репрезентацию которых мы хотим выявить, следует учитывать политические и экономические условия, в которых они находились. Если калмыки с 1920 г. имели свою государственность в составе СССР, то тувинцы в период с 1921 по 1929 гг. пытались выстроить собственный путь развития. С приходом к власти в 1929 г. находившегося под влиянием советских руководителей С. К. Тока ТНР стала ориентироваться на СССР и была вовлечена в орбиту советского государства, что завершилось вхождением (История Тувы, 2007: 126–183). Собственно, с 1930-х гг. здесь начинается полномасштабная реализация проекта советского модерности.

Если говорить об экономических условиях, то нужно учесть, что традиционное хозяйство калмыков было сильно разрушено в ходе событий Великой революции 1917 г. и особенно Гражданской войны. Большая часть калмыков потеряла свое главное достояние — скот. Именно это стало главным условием перехода калмыков к оседлости в ее советском варианте. Что же касается тувинцев, то последствия революции и гражданской войны оказались менее трагичными для них, чем для калмыков, так как Тува находилась на периферии этих событий. Кроме того, свою роль здесь сыграл географический фактор: горный ландшафт Тувы, в отличие от степей Калмыкии, позволял тувинцам скрываться от врагов, сохраняя свое скотоводческое хозяйство. Иначе говоря, к началу советских преобразований традиционное хозяйство калмыков было сильно деформировано, в отличие от хозяйства тувинцев, что ускорило вхождение ойрат-калмыков в советскую модерность.

В-третьих, сравнивая визуальные образы тувинцев и ойрат-калмыков следует помнить о сходстве многих культурных кодов, существующих у тюрко-монголов. К ним относятся сакральность белого цвета, норма покрытости головы, высокий ценностный статус головного убора и т. д. Ориентация на эти коды позволяет выявить сходство, а способы реализации нормы указывают на различия. К примеру, все женщины тюрко-монгольских народов прячут волосы и обязательно покрывают голову, но только замужние калмычки носят *шиврлг* — наконники (длинные мешочки для укладывания в них кос).

Учитывая сказанное, тем не менее, следует говорить скорее о сходстве визуальной репрезентации рассматриваемых народов, входящих в советскую модерность, чем о различиях. Все эти факторы влияли лишь на временной период трансформации визуальных образов, демонстрирующих первые знаки советской модерности. Реализация проекта советской модерности в силу его радикализма, а речь идет о коллективизации, индустриализации, культурной революции и методах, используемых для их реализации, была неотвратима. Советский проект модерности невозможно оценить однозначно, так как с одной стороны, это ликвидация неграмотности, улучшение условий жизни, формирование гигиенических практик, здравоохранение, приобщение к технике, технологиям и многим достижениям европейской культуры, с другой — жесткие дисциплинарные практики, репрессивный аппарат, утрата традиционной культуры. Такая неоднозначность объясняется темпоральностью и радикальностью средств, применяемых властью, когда за очень короткий период времени традиционная культура была

¹ В 1771 г. правитель калмыков Убаши-хан совершил так называемый «последний великий исход», уведя большую часть калмыков на территорию Джунгарии, ставшей к тому времени подвластной Цинскому Китаю территорией, в результате чего Калмыцкое ханство перестало существовать как государственность в составе Российской империи.

преобразована в культуру советской модерности. В Туве этот процесс затянулся в силу ее удаленности¹, а также благодаря статусу самостоятельного государства.

Говоря о сходстве плодов антропологической революции и ее визуальной репрезентации, следует обратиться к институту образования, выступавшему важнейшим инструментом этой революции. Речь идет о фотографиях, на которых сняты школьники, курсанты разных курсов переподготовки. Все они содержат всевозможные знаки советской модерности. На *фото 9А* тувинские школьники предстают не в традиционной одежде, а в однотипной, условно европейско-советской. Скорее всего, это воспитанники школы-интерната. По словам С. С. Маады: «Сумонная школа-интернат стала самым распространённым типом школ, расположенных, главным образом, в предполагаемых местах оседания аратов (первые поселки). Они содержали детей аратов в течение всего учебного года за счет самих аратов. По архивным данным, из 59 школ, существовавших к 1939 году, 49 были сумонными» (Маады, 2021: 147). Опыт интернатного обучения был заимствован организаторами школьного образования детей аратов у Советского Союза. Как пишет автор, был оформлен долгосрочный кредит с СССР, чтобы построить школы-интернаты в сумонах и кожуунах (там же: 147). Типичные для Советского Союза школы с интернатным содержанием были и у калмыков (Иванова, 2018). Как пишет Е. Сартикова, «исторически для кочевого калмыцкого народа установился тип школы-интерната, который давал возможность детям кочевников получить образование и воспитание. Школы-интернаты и детские дома со школами при них составляли 35% общего числа школьных учреждений. Для европейской части России это было уникальным явлением (Сартикова, 2010: 147).

Если говорить о сходстве в визуальной культуре калмыков и тувинцев рассматриваемого периода, то, как видно по фотографиям, часть калмыков и тувинцев, особенно образованные слои, довольно быстро отказалась от ношения национальной одежды, перейдя на советскую условно европейскую, что сказалось на представлении себя в группе. На всех фотографиях обнаруживаются знаки, символизирующие новый социальный порядок. Все это явственно видно на анализируемых фотографиях: одежда и головные уборы европейского образца вместо традиционных национальных, облегченные прически у женщин (часто остриженные волосы), использование советской символики в виде флагов, знамен, передовых социалистических газет, демонстрация стремления к знаниям и информированности (просвещённости), единение с коллективом и преимущественно строгая геометрия расположения группы в пространстве.

Несмотря на различия политических, экономических и иных условий, в которых находились калмыки и тувинцы, антропологическая революция, осуществляемая в ходе реализации проекта радикальной советской модерности, сопровождалась изменениями в их телесности. Фотографии калмыков показывают, что начался отход от требований, кодифицирующих положения рук и ног, например, запрет складывания рук на груди или сидение со скрещенными ногами. Фотографии, таким образом, демонстрируют, как советская модерность воплощалась в телесности раннесоветского периода. Вместе с тем фото показывают, что сохранялись прежние телесные практики. Например, несмотря на отказ от девичьих камзолов, формирующих осанку, на фото женщины-калмычки держат прямую спину.

Реализация радикальной политики, единой в отношении всех, кто был вовлечен в процесс создания советской модерности в одно и то же время, но в разных регионах — Калмыкия и Тува, имела схожие плоды, в том числе в создании «нового человека». Знаки советской модерности на фотографиях и калмыков, и тувинцев раннесоветского периода практически одинаковы. В обеих группах фотографий прослеживается использование одних и тех же визуальных маркеров, что подтверждает наличие визуального канона — в данном случае канона репрезентации и самопрезентации «советского человека»: отсутствие подчеркнутой женственности в униформе женщин, строгость, собранность и дисциплинированность в одежде и позах, одухотворенность в труде, стойка «смирно», белая парадная рубашка, стремление «не выделяться», быть как все, слиться с коллективом (Богданова, 2012).

Следует сказать, что визуальная репрезентация ойрат-калмыков и тувинцев как участников проекта создания «нового человека» в раннесоветский период будучи однотипной, имеет тем не менее различия. Иконические² различия визуальных образов, демонстрирующих особенности формирования советской

¹ Подробный анализ влияния удаленности на состояние и развитие культуры тувинцев, а также основные подходы к рассмотрению этого феномена дан в статье Ю. В. Попкова и Е. А. Тюгашева (Попков, Тюгашев, 2022).

² Иконический знак показывает связь между формой знака, например, слова или символа, и его значением. Его форма в какой-то мере напоминает о его значении, в отличие от произвольного знака.

модерности у этих народов, определяются, во-первых, тем опытом столкновения с проектами первой и второй модерности, которым каждый из них располагал. Если калмыки имели обширный опыт модерности и первого, и второго типа, то тувинцы фактически имели дело лишь со второй. Наличие богатого опыта первой и второй модерности у калмыков способствовало тому, что они достаточно быстро усвоили языки советской модерности, начиная с телесного, заканчивая вербальным. Тувинцы в этом плане оказались более резистентными. Во-вторых, на различия визуальных образов этих народов в 1930-е годы оказала влияние степень сохранности традиционной культуры, которая подверглась сильной деформации у ойрат-калмыков в результате Гражданской войны. У тувинцев на тот момент традиционная культура сохранилась гораздо лучше, что объясняется удаленностью Тувы, наличием самостоятельного государства ТНР. В-третьих, иконические различия визуальных образов ойрат-калмыков и тувинцев в переходный к модерности период определяются особенностями следования культурным кодам, нормирующих телесное поведение и являвшимися во многом схожими для них. К примеру, общая для тюрко-монголов сакральность белого цвета лишь у калмыков обнаруживается в обязательности белого воротничка платья замужней женщины, что хорошо видно на калмыцких фотографиях.

Заключение

Проведенный в деколониальной оптике анализ визуальной репрезентации ойрат-калмыков и тувинцев, из которых создатели проекта советской модерности формировали «нового человека», позволил выявить укорененные в телесных практиках знаки модерности. Были выделены знаки, указывающие на новый социальный порядок — советская символика, а также знаки, демонстрирующие формы отношения представителей советской власти и «колонизуемых». К последним следует отнести отношения «пропагандист — масса», «советский начальник — подчиненные», «политический лидер — масса, упорядоченная в колонну».

Реализация проекта советской модерности у ойрат-калмыков и тувинцев имела свои особенности, определяемые политическими, экономическими и культурными условиями. С экономической точки зрения вхождение калмыков в «советскую модерность» облегчалось разрушением скотоводческого хозяйства в ходе революции и гражданской войны. Кроме того, имея богатый опыт первой и второй модерности, калмыки оказались более пластичными для «ковки» «советского человека», чем тувинцы. Фотографии калмыков, сделанных в 1930-е годы, свидетельствуют о начавшемся процессе кардинального разрыва с традиционной культурой и традиционным обществом.

На фотографиях тувинцев 1930-х гг. также обнаруживаются знаки модерности, что свидетельствует о начавшемся, как и в советской Калмыкии, разрыве с традиционным обществом. Сходство визуальных образов ойрат-калмыков и тувинцев определяется тем, что в матрице советской модерности успешно форматировался как калмыцкий, так и тувинский человеческий субстрат. При этом передовой опыт форматирования этнических групп в проекте модерности, наработанный в Советском Союзе, в том числе в отношении калмыков, успешно передавался проводникам проекта советской модерности в Тувинской Народной Республике, избравшей некапиталистический путь развития. Так даже при наличии частных различий в обеих республиках была реализована единая социальная и культурная политика создания основ социализма.

Этап сбора визуального материала для анализа обнаружил ограничения в объеме, качестве и тематическом разнообразии имеющихся в архивах и музеях фотографий калмыков, по сравнению с фотоархивами тувинцев. Эти ограничения вызваны тем, что из-за депортации большое количество фотографий калмыков было утрачено. Многие из сохранившихся калмыцких фотографий не имеют отметок об авторстве и цели создания, что затрудняет анализ, хоть и не умаляет его важность для изучения процессов модернизации и колонизации. Тем не менее проведенный анализ в целом позволил говорить о сходстве и различиях в визуальных образах калмыков и тувинцев.

Благодарности

Благодарим за предоставленные фотоматериалы директора Национального архива Республики Тыва Б. В. Мунге, директора Национального архива Республики Калмыкия Р. Б. Тогаеву; директора Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова И. И. Мучаеву; выражаем свою благодарность коллекционеру И. В. Донгрупповой за информирование по поводу актуальных для текущего исследования собраний фотографий в музеях и архивах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров, Е. В. (1997) Система визуальной антропологии в России: ступени «погружения» и проблемы // Материальная база сферы культуры / отв. ред. С. Г. Колесниченко. Вып. 1. М.: Информкультура. 122 с. С. 14–18.
- Артаев, С. Н., Шурунгова Б. А. (2019) Позы как знаки невербального поведения // Вестник Калмыцкого университета. № 1 (41). С. 78–85.
- Айыжы, Е. В., Мандан-Хорлу, М. М., Монгуш, А. Ч. (2019) История создания коллекции В. П. Ермолаева как части этнографического источника изучения материальной и духовной культуры тувинского этноса (часть 1) // Oriental Studies. № 12 (4). С. 669–681. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681>
- Бадугинова, М. В. (2011) Роль «Красных кибиток» в системе охраны здоровья населения Калмыкии в 1927-1931 гг. // Вестник КИГИ РАН. № 2. С. 37–41.
- Барт, Р. (1989) Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс. 616 с.
- Бек, У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Фёдоровой. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.
- Богданова, Н. М. (2012) Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XV. № 2 (61). С. 98–113.
- Головнева, Е. В., Головнев, И. А. (2021) Опыты изучения и визуальной репрезентации Камчатки и Сахалина в конце XIX — начале XX в. // Люди империи — империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России : сборник научных статей / Н. Г. Суворова (отв. ред.). Омск : Изд-во Омского гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского. 648 с. С. 287–296. DOI: <https://www.doi.org/10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.287-296>
- Голубев, А. (2021) Рец. на кн.: Jeff Sahadeo. Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2019. 273 p. // Антропологический форум. № 48. С. 227–238. DOI: <https://www.doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-227-238>
- Дэвид-Фокс, М. (2016) Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? / пер. с англ. Т. Пирусской [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. № 16. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (дата обращения: 21.03.2022).
- Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература. 248 с.
- Иванова, Г. М. (2018) Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Фонд «Московское время». 432 с.
- История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.
- Кантор, К. М. (1990) Два проекта всемирной истории // Вопросы философии. № 2. С. 76–86.
- Линдси, Дж. (2011) Всё о цвете. М.: Книжный Клуб 36.6. 432 с.
- Маады, С. С. (2021) Сумонные школы-интернаты в период Тувинской народной республики // Мир науки, культуры, образования. № 2 (87). С. 147–149. DOI: <https://www.doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-147-149>
- Олядыкова, Л. Б. (2007) Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе). Элиста : ЗАОР «Джангар». 384 с.
- Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2022) «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства // Новые исследования Тувы. № 1. С. 225–236. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>
- Сартикова, Е. В. (2010) Народное образование как механизм советской модернизации Калмыкии (20–30-е гг. XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 4. С. 145–151.
- Скотт, Д. (2017) Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М.: Новое издательство. 408 с.
- Усманова, А. (2007) Советская визуальная культура как объект антропологического исследования // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность : сборник научных статей / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов : Научная книга. 527 с. С. 18–27.
- Ховалыг, Р. Б. (2018) Тувинская традиционная одежда. Новосибирск : Наука. 336 с.
- Chatterjee, A., Southwood, M. H., Basilico, D. (1999) Verbs, events, and spatial representations // Neuropsychologia. № 37. P. 395–402.
- Eisenstadt, S. N. (2000) Multiple Modernities // Daedalus. Vol. 129. № 1. P. 1–29.

- Gentile, E. (2006) *Politics as religion* / transl. by G. Staunton. Princeton : Princeton University Press. 168 p.
- Harper, D. A. (2012) *Visual sociology*. New York : Routledge. 294 p.
- Kress, G., Van Leeuwen, T. (2001) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London : Routledge. 310 p.
- Mignolo, W., Walsh, C. (2018) *On decoloniality: concepts, analytics, praxis*. Durham : Duke University Press. 291 p.
- Mignolo, W. (1995) *The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, & Colonization*. University of Michigan Press. 420 p.
- Quijano, A. (2007) *Coloniality and Modernity/Rationality* // *Cultural Studies*. Vol. 21. Issue 2–3. P. 168–178.
- Rothbard, M. N. (1990) *Karl Marx: Communist as Religious Eschatologist* // *The Review of Austrian Economics*. Vol. 4. P. 123–179.
- Tlostanova, M., Mignolo, W. D. (2012) *Learning to unlearn: decolonial reflections from Eurasia and the Americas*. Columbus : Ohio State University Press. 281 p.
- Wagner, J. (2002) *Contrasting images, complementary trajectories: sociology, visual sociology and visual research* // *Visual Studies*. Vol. 17, No. 2. P. 160–171. DOI: <https://www.doi.org/10.1080/1472586022000032233>
- Znamenski, A. (2021) *Socialism as a secular creed: a modern global history*. Lanham : Lexington Books. 451 p.

Дата поступления: 16.03.2022 г.

REFERENCES

- Aleksandrov, E. V. (1997) *Sistema vizual'noi antropologii v Rossii: stupeni «pogruzheniia» i problemy* [The system of visual anthropology in Russia: stages of “immersion” and problems]. In: *Material'naia baza sfery kul'tury [The material base of the sphere of culture]* / ed. by S. G. Kolesnichenko. Issue 1. Moscow, Informkul'tura. 122 p. Pp. 14–18. (In Russ.).
- Artaev, S. N. and Shurungova B. A. (2019) *Pozy kak znaki neverbal'nogo povedeniia* [Postures as signs of nonverbal behavior]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1 (41), pp. 78–85. (In Russ.).
- Aiyzhy, E. V., Mandan-Khorlu, M. M. and Mongush, A. Ch. (2019) *Istoriia sozdaniia kollektssii V. P. Ermolaeva kak chasti etnograficheskogo istochnika izucheniia material'noi i dukhovnoi kul'tury tuvinskogo etnosa (chast' 1)* [Yermolaev's Collection as an Ethnographic Source for Studies of Tuvan Material and Spiritual Culture. Part 1]. *Oriental Studies*, no. 12 (4), pp. 669–681. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-669-681>
- Baduginova, M. V. (2011) *Rol' «Krasnykh kibitok» v sisteme okhrany zdorov'ia naseleniia Kalmykii v 1927–1931 gg.* [The role of the “Red Tents” in the system of public health protection in Kalmykia in 1927–1931.]. *Vestnik KIGI RAN*, no. 2, pp. 37–41. (In Russ.).
- Bart, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]*: transl. from Fr., comp. and ed. by G. K. Kosikova. Moscow, Progress. 616 p. (In Russ.).
- Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity]* / transl. from Germ. by V. Sedel'nik and N. Fedorova. Moscow, Progress-Traditsiia. 384 p. (In Russ.).
- Bogdanova, N. M. (2012) *Fotografiia kak instrument sotsiologicheskogo analiza praktik konstruirovaniia vizual'noi samoprezentatsii* [Photography as a tool of sociological analysis of the practices of constructing visual self-presentation]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. XV, no. 2 (61), pp. 98–113. (In Russ.).
- Golovneva, E. V. and Golovnev, I. A. (2021) *Opyty izucheniia i vizual'noi reprezentatsii Kamchatki i Sakhalina v kontse XIX — nachale XX v.* [Experiments in the study and visual representation of Kamchatka and Sakhalin in the late XIX — early XX century]. In: *Liudi imperii — imperiia liudei: personal'naia i institutsional'naia istoriia Aziatskikh okrain Rossii [People of the Empire — Empire of People: personal and institutional history of the Asian outskirts of Russia]* : collection of scientific articles / N. G. Suvorova (ed.). Omsk, Publishing House of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky. 648 p. Pp. 287–296. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.287-296>
- Golubev, A. (2021) *Rets. na kn.: Jeff Sahadeo. Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2019. 273 p. [A Review of Jeff Sahadeo. *Voices from the soviet edge: southern migrants in Leningrad and Moscow*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2019, 273 pp.]. *Antropologicheskij forum*, no. 48, pp. 227–238. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-48-227-238>
- Devid-Foks, M. (2016) *Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuiushchaia, obshchaia, al'ternativnaia ili perepletennaia?* [Modernity in Russia and the USSR: absent, common, alternative or intertwined?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 16 [online] Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/ (access date: 21.03.2022). (In Russ.).

Zhukovskaia, N. L. (2002) *Kochevnikii Mongolii. Kul'tura. Traditsii. Simvolika [Nomads of Mongolia. Culture. Traditions. Symbolism]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 248 p. (In Russ.).

Ivanova, G. M. (2018) *Sovetskaia shkola v 1950–1960-e gody [Soviet school in the 1950s and 1960s]*. Moscow, Fond «Moskovskoe vremia». 432 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kantor, K. M. (1990) Dva proekta vseмирnoi istorii [Two projects of world history]. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 76–86. (In Russ.).

Lindi, Dzh. (2011) *Vse o tsvete [All about color]*. Moscow, Knizhnyi Klub 36.6. 432 p. (In Russ.).

Maady, S. S. (2021) Sumonnye shkoly-internaty v period Tuvinskoii narodnoi respublikii [Sumonn boarding schools during the period of the Tuvan People's Republic]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 2 (87), pp. 147–149. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-147-149>

Oliadykova, L. B. (2007) *Bezekvivalentnaia leksika i frazeologiiia v poeticheskoi kartine mira Davida Kugul'tinova (na materiale proizve denii v russkom perevode) [Non-equivalent vocabulary and phraseology in the poetic picture of the world by David Kugultinov (based on the material of works in Russian translation)]*. Elista, ZAO «Dzhangar». 384 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2022) «Zateriannyi mir»: tuvinskaia kul'tura v tsentr-periferiinoi interpretatsii geokul'turnogo i sotsiokul'turnogo prostranstva [“The lost world”: Tuvan culture in the center-periphery model of the geocultural and sociocultural space]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 225–236. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>

Sartikova, E. V. (2010) Narodnoe obrazovanie kak mekhanizm sovetskoii modernizatsii Kalmykii (20–30-e gg. XX v.) [Public Education as a mechanism of Soviet Modernization of Kalmykia (20-30s of the twentieth century)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Istoriia Rossii*, no. 4, pp. 145–151. (In Russ.).

Skott, D. (2017) *Iskusstvo byt' nepodvlastnym. Anarkhicheskaia istoriia vysokogorii Iugo-Vostochnoi Azii [The art of being out of control. Anarchic History of the Highlands of Southeast Asia]*. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 408 p. (In Russ.).

Usmanova, A. (2007) Sovetskaia vizual'naia kul'tura kak ob'ekt antropologicheskogo issledovaniia [Soviet visual culture as an object of anthropological research]. In: *Vizual'naia antropologiiia: novye vzgliady na sotsial'nuiu real'nost' [Visual Anthropology: New views on social Reality]* : collection of scientific articles / ed. by E. R. Iarskoii-Smirnova, P. V. Romanov and V. L. Krutkin. Saratov, Nauchnaia kniga. 527 p. Pp. 18–27. (In Russ.).

Khovalyg, R. B. (2018) *Tuvinskaia traditsionnaia odezhda [Tuvan traditional clothing]*. Novosibirsk, Nauka, NGOPO Soiuza pisatelei Rossii. 336 p. (In Russ.).

Chatterjee, A., Southwood, M. H. and Basilico D. (1999) Verbs, events, and spatial representations. *Neuropsychologia*, no. 37, pp. 395–402.

Eisenstadt, S. N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*, vol. 129, no. 1, pp. 1–29.

Gentile, E. (2006) *Politics as religion* / transl. by G. Staunton. Princeton, Princeton University Press. 168 p.

Harper, D. A. (2012) *Visual sociology*. New York, Routledge. 294 p.

Kress, G. and Van Leeuwen, T. (2001) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London, Routledge. 310 p.

Mignolo W. and Walsh C. (2018) *On decoloniality: concepts, analytics, praxis*. Durham, Duke University Press. 291 p.

Mignolo, W. (1995) *The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, & Colonization*. University of Michigan Press. 420 p.

Quijano, A. (2007) Coloniality and Modernity/Rationality. *Cultural Studies*, vol. 21, issue 2–3, pp. 168–178.

Rothbard, M. N. (1990) Karl Marx: Communist as Religious Eschatologist. *The Review of Austrian Economics*, vol. 4, pp. 123–179.

Tlostanova, M. and W. D. Mignolo (2012) *Learning to unlearn: decolonial reflections from Eurasia and the Americas*. Columbus, Ohio State University Press. 281 p.

Wagner, J. (2002) Contrasting images, complementary trajectories: sociology, visual sociology and visual research. *Visual Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 160–171. DOI: <https://www.doi.org/10.1080/1472586022000032233>

Znamenski, A. (2021) *Socialism as a secular creed: a modern global history*. Lanham, Lexington Books. 451 p.

Submission date: 16.03.2022.